

ЦАРСКИЙ ВЕНЕЦ

Петр МУЛЬТАТУЛИ

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ
ГОЛГОФА

Петр Валентинович Мультатули

Император Николай II.

Екатеринбургская Голгофа

Серия «Царский Венец (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63623843

*Император Николай II. Екатеринбургская Голгофа / П.В. Мультатули:
Вече; Москва; 2020*

ISBN 978-5-4484-8153-6

Аннотация

Почти сразу после выхода в свет первого издания этой книги она получила благословение покойного Святейшего Патриарха Алексия II. Именно эта незабываемая встреча с Патриархом придала автору силы продолжать свое исследование обстоятельств трагической гибели Царской Семьи. И настоящее издание заметно отличается от предыдущих. Введены в оборот и осмыслены новые источники, более тщательно проработаны некоторые главы, введена новая часть о попытках спасения Царской Семьи. До сих пор официальная версия убийства основывалась исключительно на показаниях и воспоминаниях соучастников преступления. Между тем любой специалист по уголовному праву знает, что показания соучастников преступления даже против друг друга не могут считаться

доказательствами, если они не подкреплены показаниями других свидетелей, наличием вещественных доказательств. Проведенный анализ этих показаний и воспоминаний соучастников преступления позволил усомниться в их правдивости. Кроме того, от максимально правдивого осознания всей степени подвига Царской Семьи русским народом во многом зависит и воскрешение самой России.

Книга издается в авторской редакции.

Содержание

Предисловие	6
Часть I	22
Глава 1	22
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Пётр Мультатули

Император Николай II.

Екатеринбургская Голгофа

*Светлой памяти Святейшего Патриарха
Московского
и всея Руси Алексия II, благословившего этот
труд*

© Мультатули П.В., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Читатель держит в руках книгу, которая впервые вышла в свет в 2006 г. под названием *«Свидетельства о Христе до смерти. Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое исследование»*[1]. За прошедшие тринадцать лет она выдержала семь изданий[2] в России и одно в Сербии[3]. Почти сразу книга получила благословение покойного Святейшего Патриарха Алексия II, а в 2015 г. – Его Святейшества Патриарха Сербского Ириней, почтившего своим присутствием презентацию сербского издания в Белградской Скупщине. Только сегодня мы в полной мере можем понять истинность слов следователя Н.А. Соколова: *«Скорбные страницы о страданиях Царя, говорят о страданиях России»*[4]. Не вызывает сомнения, что понимание сути подвига Царской Семьи приводит к пониманию того, что произошло с Россией в XX веке. Нельзя не согласиться с американским историком Р. Пайпсом: *«Цареубийство стало первым шагом человечества на пути сознательного геноцида. Тот же ход мыслей, который заставил большевиков вынести смертный приговор Царской Семье, привёл вскоре и в самой России, и за её пределами к слепому уничтожению миллионов человеческих существ, вся вина которых заключалась в том, что они оказались помехой при реализации тех или иных грандиозных замыслов переустройства мира»*[5].

Убийство Императора Николая II и его Семьи было не просто большевистской расправой по политическим соображениям и тем более не сговором кучки исполнителей из так называемого Уралоблсовета. Убийство в Ипатьевском доме явилось результатом осуществления планов глобалистского сообщества по установлению в мире нового безбожного мирового порядка[6]. Император Николай II, и в силу своих личных свойств, и в силу того, что он был Православным Царем, был главным врагом мировой революции. Поэтому убийство Царской Семьи носило не характер политического или уголовного акта, а имело сакральные и духовные причины. Убийство Царской Семьи является **изуверским злодеянием**. Известный литературный критик и поэт Г.В. Адамович назвал *«день 17 июля 1918 года» «одним из самых темных, самых бесчеловечных»*, выражая надежду, что настанет то время, когда в России открыто признают грех цареубийства и *«если этого дня никогда не будет, лучше бы не быть русским»*[7].

Сегодня иногда приходится слышать нелепые и малодушные высказывания, что в Екатеринбурге убили не Царя, а «гражданина Романова». Но как отмечал Святитель Иоанн Шанхайский: *«Под сводом екатеринбургского подвала был убит Повелитель Руси, лишенный людским коварством Царского венца, но не лишенный Божией Правдой священного Миропомазания»*[8]. А.Н. Боханов в свою очередь утверждает: Николай II *«оставался национальным симво-*

лом, знаком русской государственной традиции, живым образом Великой Православной Империи. Поэтому и уничтожали в Екатеринбурге не “бывшего полковника Романова”, не “бывшего Императора”, а именно – Царя, последнего не только в отечественной, но и в мировой истории»[9].

Пьер Жильяр точно выразил это мировое значение Царской жертвы: *«Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за свою Родину – они умерли мучениками за все человечество»*[10]. В связи с этим последствия убийства русского Царя тяжким возмездием легли на весь мир. Святитель Иоанн (Максимович) свидетельствовал: *«Убийство Императора Николая II и его семьи является исключительным как по виновности в нем русского народа и других народов, так и по его последствиям»*[11]. Простой анализ позволяет сделать однозначный вывод: злодеяния большевизма, нацизма, маоизма, красных кхмеров, уничтожение Дрездена, атомная бомбардировка Хиросимы, – стали возможны только после убийства Божьего помазанника, то есть Удерживающего.

Нам до конца неизвестны ни обстоятельства убийства Царской Семьи, ни его исполнители. Слова одного из организаторов злодеяния, П. Войкова, *«мир никогда не узнает, что мы с ними сделали»*, до сих пор не утратили свою актуальность. Тема ритуального убийства Царской Семьи у многих исследователей вызывает чувство отторжения, хотя сам факт существования ритуальных убийств признается сего-

дня и правоохранительными органами, и общественностью. Причины такого отторжения заключаются, с одной стороны, в навязывании отрицательных стереотипов, определяющих любые попытки исследования этой темы как «ненаучные» домыслы, вызванные «антисемитскими» предрассудками, а с другой стороны, в упрощении темы, сведению ее к несуществующему «еврейскому» ритуальному убийству. В своей работе мы уходим от этих крайностей.

Настоящее издание заметно отличается от предыдущих. Введены в оборот и осмыслены новые источники, более тщательно проработаны некоторые главы. Мы также сочли необходимым ввести часть о так называемых Екатеринбургских останках, ибо то, что было сотворено с телами убиенных, являлось, по нашему мнению, частью изуверского ритуала. Можно предполагать, что и манипуляции в «Поросенковом логу» во многом были связаны с этим же ритуалом, хотя и спустя много десятилетий после злодеяния в Ипатьевском доме. Естественно, что из-за специфики исследуемого вопроса некоторые источники, а также выводы могут показаться читателю необычными. Эта необычность вызвана тем, что ни сами источники, ни их анализ долгое время не принимались во внимание большинством исследователей.

Убийство Государя Императора Николая II и его Семьи стало следствием всей жизни и деятельности последнего Самодержца и тем нравственным выбором, который он сделал и которому был верен всю жизнь: верности Христу, России и

долгу царского служения. Императору Николаю II было даровано Свыше особое духовное качество – чувствовать Волю Божью при решении важнейших вопросов, определяющих судьбу России. Покорность Воле Божьей для Николая II иногда означала отказ от своих желаний и решений, какими бы верными они ему бы ни казались. Отсюда вытекало особое отношение Николая II к своему служению как к жертве, мученичеству во имя России: *«Быть может, необходима искупительная жертва для спасения России. Я буду этой жертвой. Да свершится Воля Божья!»*[12] Полковник Е.Э. Месснер определял Императора Николая II как Великомученика *«с первого дня царствования (с Ходьинки) и до последнего дня (отречения во Пскове). Каково величие души: царствовать в сознании обреченности и под мученичеством безнадежности выполнять свой царский долг, нести бремя державности!»*[13]

Россия не вдруг пришла к Екатеринбургскому злодеянию. Год за годом русское общество отступало от Христа и Его заповедей, превращая Православие в обрядность, традицию, теряя при этом живую веру. Член Царствующего Дома Великий Князь Александр Михайлович называл Православие *«опасной сектой»*. По словам протоиерея Валентина Асмуса: *«Даже в недрах Святейшего Синода прокладывал себе путь антимонархизм, в данном случае на волне клерикальных настроений»*[14].

Чем больше люди отходили от Христа, тем они меньше

понимали Императора Николая II. Л.П. Решетников отмечает, что *«непрятие именно такого Царя создавало условия для распространения различных измышлений о профессиональных и человеческих качествах Государя. Царь, говоря современным языком, оставался в православном “поле”, а его оппоненты из политической и интеллектуальной элит давно это поле покинули»*[15].

Поэт Д.С. Мережковский называл Самодержавие *«невежеством прошлых веков»*[16], а граф Л.Н. Толстой – отжившей *«формой правления, могущей соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке»*[17]. Отсюда к началу XX в., по словам А.Н. Боханова, *«понятие “Царь” не воспринималось больше сакральным символом, в “обществе” никто и не вспоминал, что “Царь – устройство Божие”. В Миропомазаннике видели только властителя, наделённого, как немалому числу людей казалось, слишком широкими властными полномочиями. Общественное сознание постепенно становилось не только просто нерелигиозным, но и активно антицерковным, а потому и антицарским»*[18].

В результате произошёл духовный кризис, выйти из которого политическими или силовыми методами было уже невозможно. В этих условиях Императору Николаю II оставался только один путь: мученичества. Государь это хорошо сознавал: *«Быть может, необходима искупительная жертва для спасения России. Я буду этой жертвой. Да свершит-*

ся воля Божья!»[19] По словам архиепископа Нафанаила (Львова), «Государь отверг себя, взяв крест свой, и последовал за Христом. И как он был одинок! В этом ведь тоже глубокая Христоподрожательность его подвига»[20]. Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев) также отмечал эту Христоподрожательность Царского Подвига: «Государь Император Николай Александрович был расстрелян потому, что он был Царем. Они являют перед нами образ высочайшего смирения, потому что после великой славы, в которой они жили, они оказались в великом бесславии, и с терпением, и со смирением, подобно Христу, Который восходил на Голгофу, они восходили на свою Голгофу для того, чтобы здесь претерпеть смерть как страстотерпцы и мученики. Царская семья приехала в этот город в дни Страстной седмицы, и это тоже знаменательно: они приехали сюда не жить, а умирать, подобно тому, как Господь Иисус Христос пришел в Иерусалим не для того, чтобы там жить или царствовать, но для того, чтобы там принять смерть. Их Страстная седмица длилась дольше, чем одна седмица – два с лишним месяца. Это была настоящая Голгофа, потому что их распинали долго и мучительно»[21].

На пути этого мученичества Царская Семья явила величайший нравственный подвиг самопожертвования во имя Правды, во имя России. Как писал П. Жильяр: «Их истинное величие не проистекало от их царственного сана, а от удивительной нравственной высоты, до которой они посте-

ленно поднялись. Они сделали идеальной силой. И в самом своем уничтожении они были поразительным проявлением той удивительной ясности души, против которой бессильны всякое насилие и всякая ярость и которая торжествует в самой смерти»[22].

От осознания величия подвига Царской Семьи русским народом во многом зависит и воскрешение самой России. Патриарх Алексей II говорил о необходимости истинного всенародного покаяния: «Убийство Царской Семьи – тяжкое бремя на народной совести, которая хранит сознание того, что многие наши предки посредством прямого участия, одобрения и безгласного попустительства – в этом грехе повинны. Покаяние же в нем должно стать знамением единства наших людей не по форме, а по духу. И сегодня мы, от лица всей Церкви, от лица всех ее чад, усопших и ныне живущих, приносим пред Богом и людьми покаяние за этот грех. Прости нас, Господи! Мы призываем к покаянию весь наш народ...»[23]

Правда об обстоятельствах Екатеринбургского злодеяния всегда была опасна для его организаторов и их духовных преемников. С первых же дней, когда век тому назад белым следствием была открыта первая страница уголовного дела по факту Екатеринбургского злодеяния, со стороны могущественных сил как в России, так и за её пределами, началась изошрённая деятельность по введению следствия в заблуждение. Начальник управления Екатеринбургского уголовно-

го розыска А.Ф. Кирста, впоследствии заподозренный в тайном сотрудничестве с большевиками и отстранённый от дела, постоянно пытался внушить следствию, что Царскую Семью вывезли в Пермь[24]. Затем тот же Кирста обнаружил «свидетелей», которые утверждали, что в сентябре 1918 г. видели избитую молодую женщину, назвавшуюся Великой Княжной Анастасией[25], и даже «опознавали» ее на фотографии Царской Семьи[26]. Другой «свидетель» уверял, что видел, как от Екатеринбурга отошёл поезд, в котором, как ему сообщили, был Государь и Государыня. Все проверки показаний подобных «свидетелей» выявляли ложность, сознательную или нет, их сообщений. Вполне возможно, что некоторые из этих людей специально вводились большевиками в заблуждение, показывая неких людей, выдаваемых за Царскую Семью. Но поразительно, что этот обман явился основой для большого числа фальсификационных «исследований», которые не прекращаются и в наши дни.

В течение нескольких месяцев 1918–1919 гг. расследование дела об убийстве Царской Семьи велось тремя следователями. Работа первых двух (А.П. Намёткина и И.А. Сергеева) была признана белыми властями неудовлетворительной, и в начале 1919 г. дело принял к своему производству судебный следователь по важнейшим делам Н.А. Соколов. Волею обстоятельств до конца дней оно стало для него тяжким крестом. Чем больше Н.А. Соколов вникал в материалы уголовного дела, чем тщательнее он исследовал веществен-

ные доказательства, чем больше он знакомился с показаниями свидетелей и обвиняемых, тем больше открывалась перед ним картина тягчайшего преступления, жертвой которого стала Царская Семья. Допросив свидетелей и обвиняемых, проведя осмотр Ипатьевского дома, пройдя пешком шаг за шагом двадцать верст от Екатеринбурга до урочища Четырёх Братьев по Старой Коптяковский дороге, осмотрев местность вокруг этого урочища, проведя необходимые криминалистические экспертизы – он пришел к однозначному выводу: Царская Семья убита, трупы её расчленены и сожжены при помощи бензина, обугленные останки частью уничтожены серной кислотой, частью закопаны или утоплены в болоте. При этом головы Царственных Мучеников были отделены от тел.

Свои выводы об обстоятельствах убийства Н.А. Соколов строил исходя из показаний обвиняемых П.С. Медведева, А.А. Якимова, Ф.П. Проскурякова, которые утверждали, что Царская Семья была расстреляна в полуподвальной комнате Ипатьевского дома ночью 17 июля командой «латышей» под руководством коменданта Дома особого назначения Я.Х. Юровского, лично убившего Государя. В пользу этих показаний говорили и многочисленные следы от пуль в стенах и полу комнаты нижнего этажа, и следы заливки крови. Однако в показаниях обвиняемых имелись существенные противоречия. По непонятным причинам ни один из следователей, расследовавших дело, в том числе и Н.А. Со-

колов, не обратил на них внимания и не провел между обвиняемыми очных ставок. А ведь это важнейшее следственное действие, позволяющее устранить противоречия и выяснить их причину.

Неудача белых привела к окончанию расследования Н.А. Соколова в России. Увозя с собой материалы следствия, следователь продолжал своё расследование уже в эмиграции. Но при всей тщательности расследования Н.А. Соколов не мог до конца восстановить картину преступления, так как не были арестованы и допрошены главные организаторы и соучастники убийства: В.И. Ульянов (Ленин), Я.М. Свердлов, Я.Х. Юровский, Ш.И. Голощёкин, Г.И. Сафаров, П.Л. Войков и другие. Не была до конца изучена роль в организации убийства тайных заграничных организаций. Н.А. Соколов умер 23 ноября 1924 г., лишь подойдя к изучению этой таинственной стороны Екатеринбургского злодеяния.

Необходимо отметить, что Соколову при его расследовании противодействовали не только красные агенты, в большом количестве оставшиеся в тылу белых, но и неоднозначная позиция по расследованию злодеяния со стороны Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. На полях предписания об организации правительственной помощи следствию Н.А. Соколова от 10 апреля 1919 г. генерал М.К. Дитерихс оставил следующий комментарий: *«Верховному Правителю очень не хотелось выдавать мне это предписание. <...> Причина этому кроется в том, что за период с 1-го*

марта, в Верховном Правителе произошёл перелом в пользу жидо-немецкой партии, и поэтому выявление картины обстоятельств убийства в полной мере было для него неприемлемо»[27]. Не стоит обращать внимание на эмоциональное определение М.К. Дитерихса «жидо-немецкая партия». Но очевидно, что на Колчака оказывалось сильное давление со стороны сил, которым было невыгодна правда об убийстве Царской Семьи.

Следует отметить, что до сих пор не проведено исторического анализа ни обстоятельств убийства Царской Семьи, ни уничтожения (сокрытия) ее тел, ни тех документов, которые легли в основу выводов следствия в 1993–1998 гг. В связи с этим мы попытались хотя бы частично восполнить этот пробел. Слишком важен вопрос, слишком тяжки могут быть последствия нашего малодушия, соглашательства и легкомыслия. Мы не преследуем никаких иных целей, кроме утверждения истины в таком жизненно важном для России вопросе, как мученический подвиг ее святого Царя. Говоря словами Н.А. Соколова, *«сего требует благо нашей Родины»*.

В заключение мы просим прощения у читателя за несколько длинное цитирование отдельных документов, юридических определений, оккультных источников[28], которые были нужны автору исключительно для исследования версии ритуального убийства.

1 *Мультатули П.В.* Свидетельствуя о Христе до смерти. Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование. СПб.: Сатись, 2006. 785 с.

2 Книга выходила также под следующими названиями: *Мультатули П.В.* Николай II. Дорога на голгофу. М.: АСТ, Астрель, 2010. 637 с.; *Мультатули П.В.* Крестный путь Царской Семьи. Екатеринбургская голгофа. М.: Вече, 2013. 448 с.; *Мультатули П.В.* Император Николай II. Екатеринбургская голгофа. М.: серия Двуглавый орел, изд-во М.Б. Смолина, 2018.

3 *Мультатули Петар В.* Голгота царске породице. Београд: Евро-Ћунти, 2014. 456 с.

4 *Соколов Н.* Убийство Царской Семьи. Берлин: Изд-во «Слово», 1925. С. 1.

5 *Пайнс Р.* Русская революция. М.: РОССПЭН, 1994. Ч. 2. С. 478.

6 То, что происходит сегодня в мире, когда зло уже не считает нужным маскироваться и предстает в своем подлинном обличье, вся современная антисистема, почти полностью сложившаяся на Западе, ее непримиримая война с Богом, верой, Церковью, культурой, семьей, языком, пропаганда самых гнусных видов блуда, открытое конструирование единого мирового центра управления, казалось бы, уже не

должно никого удивлять. Между тем, когда речь заходит о сакральных причинах убийства Царской Семьи, сразу начинается демагогия о «конспирологическом» характере таких утверждений, их «антинаучности», о мифическом «царебожии» и т. п. Воистину: *«Если Моисея и пророков не слушают, то если и мертвые воскреснут, не поверят»* (см. Лк. 16, 29–31). – *Примеч. авт.*

7 Цит. по: *Пагануцци П.* Правда об убийстве Царской Семьи. Историко-критический очерк. М.: Товарищество русских художников, 1992. 222 с. С. 16.

8 Царь и Россия. Размышления о Государе Императоре Николае II: [Белоусов П., сост.] М.: Отчий дом, 2017. 752 с. С. 596.

9 *Боханов А.Н.* Николай II. М.: Вече, 2008. 528 с. С. 407.

10 *Жильяр П.* Император Николай II и его семья: (Петергоф, сентябрь 1905—Екатеринбург, май 1918): [Сазонов С.Д., пред.]. Вена: Книгоиздательство «Русь», 1921. 288 с. С. 126.

11 *Царь и Россия.* С. 593.

12 *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991. 241 с. С. 207.

13 Крестный путь Царственных Мучеников. Свидетельства современников о Царской Семье. Материалы для жития и акафиста. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1997. С. 7.

14 *Асмуc Валентин, протоиерей.* «Господи, спаси Царя» (Пс. 19: 10): молитва о Царе в православном богослужении // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: Материалы 2000 г. М., 2000. С. 100.

15 *Решетников Л.П.* Духовно-нравственные причины национальной катастрофы // Русский Исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России. Материалы международной конференции (Москва, 2–3 ноября 2010). М.: Российский институт стратегических исследований, 2011. 328 с. С. 21.

16 *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция. М.: ОГИ, 1999. 222 с. С. 112.

17 *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в двадцати двух томах. М.: Художественная литература, 1984. Т. 20. С. 502–508.

18 *Боханов А.Н.* Российская империя. Образ и смысл. М.: Издательство «ФИВ», 2012. 592 с. С. 550.

19 *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 207.

20 Цит. по: *Боханов А.Н.* Российская империя. Образ и смысл. С. 557.

21 В день памяти святых Царственных страстотерпцев митрополит Волоколамский Иларион совершил ночное богослужение в екатеринбургском Храме-на-Крови // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1224830.html>

22 Жильяр П. Указ. соч. С. 119.

23 Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви к 75-летию убийства Императора Николая II и его Семьи // *Журнал Московской Патриархии*. 1993. № 6.

24 Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX (далее Российский Архив. Т. 8). Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 г. / Сост. Л.А. Лыкова. М.: Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, РЦХИДНИ, 1998. С. 65.

25 Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи (Август 1918 – февраль 1920); [Росс Н., сост.]. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987. 644 с. С. 172–173.

26 Гибель Царской семьи. Материалы следствия. С. 183.

27 Секретное распоряжение Верховного правителя А.В. Колчака генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу. 10 апреля 1919 г. // ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

28 Чтобы не создавать впечатления рекламы сатанизма, адреса сайтов сатанинских организаций приводятся автором с искажением. – *Примеч. авт.*

Часть I

От Пскова до Тобольска

Глава 1

«Кругом измена, трусость и обман...» Свержение Императора Николая II с престола и оставление им Верховной власти

События, произошедшие 2 (15) марта 1917 г. в Пскове, до сих пор именуются «отречением» Императора Николая II. Отсюда делается вывод о «слабоволии» Государя, «сдавшего» престол и страну. Однако, как верно пишет А.Н. Боханов: *«Все разговоры, “правильно” или “неправильно” поступил Николай II, когда отрекался от престола, возможны лишь в том случае, если эту тему вырвать из конкретных исторических обстоятельств времени и места»*[29]. П.П. Кравченко, проработавший долгие годы следователем по особо важным делам, замечает: *«Все разговоры о слабости Николая II – типичные глупые рассуждения людей, которые не понимают сути христианства и соответственно*

не могут отличать смирение от слабости. Кроме этого со своей ментальностью определенная часть граждан пытается рассуждать (в лучшем случае) о действиях человека, наделенного Божественной властью, с одной стороны, и руководителя огромной империей, обладавшего всей доступной информацией, с другой»[30].

Сегодня анализ исторических источников позволяет со всей определенностью делать вывод, что так называемое «отречение» стало результатом тщательно и давно спланированного заговора с целью свержения Императора Николая II. Видный правый русский общественный деятель начала XX в. Н.А. Павлов дал точное определение этой измене: *«Мир не слыхал ничего подобного этому правонарушению. Ничего иного после этого, кроме большевизма не могло и не должно было быть»*[31]. Из запорошённого снегом окна Императорского поезда в Пскове уже отчётливо был виден подвал Ипатьевского дома в Екатеринбурге. Тот же Н.А. Павлов верно отмечал: *«Никаких двух революций не было. Была одна – Февральская; и Родзянки, Гучковы и иные ее начнут, а Ленины, Троцкие, Свердловы и Юровские ее продолжат. Одни свергнут, арестуют, осудят; другие – убьют. Палачи – все»*[32].

Заговор против Императора Николая II стал результатом объединения российских либерально-революционных сил с поддерживающими их некоторыми политико-финансовыми кругами Запада. Причины, по которым последние всячески

способствовали свержению Николая II, заключались в осознании неотвратимости победы Российской империи в мировой войне и в связи с этим в необходимости её уничтожения как опасного конкурента.

Одним из главных организаторов заговора к 1916 г. стал А.И. Гучков, которого октябрист князь А.В. Оболенский определял как *«открытого злобного революционера, настроенного больше всего против особы Государя Императора»*[33]. В конце сентября – начале октября 1916 г. на квартире кадета М.М. Фёдорова состоялось несколько встреч А.И. Гучкова со своими единомышленниками: М.В. Родзянко, Н.В. Некрасовым, С.И. Шидловским, А.И. Шингарёвым, М.И. Терещенко и доверенным лицом Великого Князя Николая Николаевича князем Д.Л. Вяземским[34]. У заговорщиков *«очень быстро сложился план»*[35], который заключался в захвате Императорского поезда во время одной из поездок Государя в Ставку. Императора Николая II предполагалось арестовать и принудить к отречению в пользу Цесаревича Алексея Николаевича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Одновременно в стране вводился конституционный строй[36]. Выработанный план был, по словам Гучкова, *«хирургической операцией в смысле революционного акта воздействия на Государя, в смысле отречения»*. Должны были быть заготовлены соответствующие манифесты, предполагалось все выполнить в ночное время, чтобы утром вся Россия и армия узнали об отречении и на-

значении Наследника[37].

Другая влиятельная группа заговорщиков формировалась вокруг депутата Государственной думы А.Ф. Керенского, которого Охранное отделение определяло как главного руководителя революционного подполья[38]. Начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К.И. Глобачёв отмечал, что если *«военные и придворные круги представляли себе простой дворцовой переворот в пользу Великого Князя Михаила Александровича с объявлением конституционной монархии»*, то *«крайние элементы с Керенским во главе»* после свержения монархии видели Россию *«только демократической республикой»*[39].

Большевик В.Д. Бонч-Бруевич писал, что Керенский был *«вспоен и вскормлен масонами, ещё когда он был членом Государственной думы и был специально воспитываем ими»*[40]. В 1913 г., накануне Первой мировой войны, в Петрограде был создан орден Великого Востока народов России. Этот орден, по определению его членов, был масонским *«только по названию»*, главной его целью было *«свержение самодержавного режима»*[41]. В рамках ВВНР произошла смычка между ведущими представителями думской оппозиции и левыми революционными группировками[42]. 16 декабря 1916 г. генеральным секретарём ВВНР был избран А.Ф. Керенский.

Но никакие «заговоры» не могли рассчитывать на успех, если бы генералы Ставки оставались верными присяге. Как

верно писал И.Л. Солоневич: *«В этом предательстве первая скрипка, конечно, принадлежит военным. Этой измене и этому предательству нет никакого оправдания. И даже нет никаких смягчающих вину обстоятельств: предательство в самом обнажённом его виде»*[43]. К 1917 г. на стороне заговорщиков были начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал от инфантерии генерал-адъютант М.В. Алексеев, главнокомандующие армиями фронтов генерал-адъютанты Н.В. Рузский, А.А. Брусилов, А.Е. Эверт[44]. Князь Г.Е. Львов на регулярных встречах с Алексеевым обсуждал возможность ареста Императора Николая II в Ставке[45]. Генерал Н.И. Иванов считал, что без поддержки заговора М.В. Алексеевым *«главнокомандующие не могли бы и не решились бы согласиться с Думой»*[46]. Генерал-квартирмейстер Ставки генерал-лейтенант А.С. Лукомский уже 18 декабря 1916 г. знал, что *«Государь в Ставку не вернётся и состоится назначение нового главнокомандующего»*[47]. Командующий VIII корпусом генерал-лейтенант А.И. Деникин писал, что в первой половине марта 1917 г. *«предполагалось вооруженной силой остановить Императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение Государю отречься от престола, а в случае несогласия, физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович»*[48].

Важнейшую роль в поддержке переворота сыграл глав-

нокомандующий войсками Северного фронта генерал-адъютант Н.В. Рузский, который был давно и тесно связан с А.И. Гучковым. В январе 1917 г. Рузский присутствовал на совещании у английского посла Бьюкенена, на котором обсуждался план дворцового переворота, и даже была назначена его дата – 22 февраля 1917 г.[49]

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. в Петрограде был убит Григорий Ефимович Распутин. 24 декабря Великий Князь Николай Михайлович писал Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне: *«Вся Россия знает, что покойный Распутин и А.Ф. одно и то же. Первый убит, теперь должна исчезнуть и другая»*[50]. Государыня говорила лейб-медику Е.С. Боткину, *«что после убийства нашего Друга, они планируют убить Анну Вырубову и меня»*[51].

После убийства Г.Е. Распутина политический расклад в столице резко меняется. Позиции Императора Николая II ослабевают, а позиции заговорщиков – укрепляются. Представители Династии осмелились написать Государю письмо, в котором просили, а фактически требовали простить Великого Князя Димитрия Павловича[52]. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, в свое время готовая простить убийцу своего мужа, благословляла князя Феликса Юсупова «за патриотический акт», убийство человека, которого она ни разу в жизни даже не видела![53] Когда Государь и Государыня ознакомились с этими документами, они не верили своим глазам: что же можно было ожидать от других, если

так вели себя члены Дома Романовых, родная сестра Императрицы! На письме семьи Николай II поставил резолюцию: *«Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь Вашему обращению ко Мне. НИКОЛАЙ»*[54]. Государь в те дни говорил: *«Мне стыдно перед Россией, что руки моих родственников обгажены кровью этого мужика»*[55].

После убийства Г.Е. Распутина Николай II собирался остаться в Царском Селе надолго, вплоть до весеннего наступления, и всю свою деятельность сосредоточить на подавлении переворота, в подготовке которого он не сомневался. Как писал С.С. Ольденбург: *«Государь взял на себя руководство общим положением. Прежде всего необходимо было составить правительство из людей, которым Государь считал возможным лично доверять. Опасность была реальной. Убийство Распутина показало, что от мятежных толков начинают переходить к действиям. Оценка людей поневоле становилась иной. Люди энергичные и талантливые могли оказаться не на месте, могли нанести вред, если бы оказались ненадежными»*[56].

В правительство пришли правые консерваторы: председатель Совета министров князь Н.Д. Голицын, министр юстиции Н.А. Добровицкий, военный министр генерал М.А. Беляев, народного просвещения сенатор Н.К. Кульчицкий, внутренних дел А.Д. Протопопов. 1 января 1917 г. на долж-

ность председателя Государственного совета Государь назначил убеждённого монархиста И.Г. Щегловитова, которого считал человеком *«опытным и большой государственной мудрости»*[57]. Это правительство рассматривалось Николаем II как переходное.

С конца 1916 г. в массовом порядке стали поступать сведения о грядущем перевороте и угрозы убийства Государю и членам его Семьи[58]. В конце декабря к Николаю II явился герцог А.Г. Лейхтенбергский и умолял его потребовать от членов Дома Романовых вторичной присяги[59]. Но Царь был по-прежнему уверен в преданности ему военного руководства. В этом, по словам И.Л. Солоневича, *«Государь Император допустил роковой недосмотр: поверил генералам Балку, Гурко и Хабалову. Именно этот роковой недосмотр и стал исходным пунктом Февральского дворцового переворота. Это предательство можно было бы поставить в укор Государю Императору: зачем Он не предусмотрел? С совершенно такой же степенью логичности можно было бы поставить в упрек Цезарю: зачем он не предусмотрел Брута с его кинжалом?»*[60]

17 февраля 1917 г. в Ставку из Крыма после болезни вернулся М.В. Алексеев[61]. Один из активных участников заговора, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал А.А. Брусилов, отмечал, что *«в Ставке, куда вернулся Алексеев, было, очевидно, не до фронта. Подготавлились великие события, опрокинувшие весь уклад русской*

жизни и уничтожившие и армию, которая была на фронте»[62].

10 февраля Николай II подвергся сильному давлению со стороны М.В. Родзянко и Великого Князя Александра Михайловича[63]. Оба в резкой форме требовали выполнения требований думской оппозиции, но получили от Царя твердый отказ. После этого Александр Михайлович написал письмо своему брату Великому Князю Николаю Михайловичу, высланному Государем в имение Грушевку, с твердым убеждением в том, что Царь и Царица *«уступят только силе»*[64].

Важным этапом в осуществлении переворота оппозиция считала организацию беспорядков в Петрограде. По приказу Рузского в Петрограде было сосредоточено большое число запасных частей. Генерал П.Г. Курлов сообщил министру внутренних дел А.Д. Протопопову, что рассчитывать *«на твёрдую поддержку гарнизона»* правительство не может, так как *«в частях находится много распропагандированных рабочих, дисциплина соблюдается крайне слабо»*[65].

Не доверяя Рузскому, Государь выделил Петроград из его подчинения в особый военный округ. Во главе него по совету военного министра генерала М.А. Беляева Николай II назначил генерал-лейтенанта С.С. Хабалова, который *«практически солдат не знал и должности не соответствовал. Император знал об этом, но во время войны было сложно с боевыми военачальниками»*[66].

21 февраля 1917 г. ближайшее окружение Царя знало, что «что-то замышляется»[67]. Д.С. Боткин, брат убитого с Царской Семьёй в Екатеринбурге лейб-медика, писал в 1925 г.: *«Мы не должны забывать, что вся поездная прислуга, вплоть до последнего механика на Царском поезде, была причастна к революции»*[68]. 22 февраля в доме командира 1-й стрелковой дивизии генерал-майора П.А. фон Коцебу в присутствии множества гостей офицеров открыто говорили о том, что *«Его Величество больше не вернётся со Ставки»*[69].

22 февраля 1917 г. Император Николай II неожиданно отбыл из Царского Села в Могилёв. Государь уезжал срочно, по какой-то важной причине. А.А. Вырубова вспоминала, что накануне отъезда Николай II был очень чем-то расстроен. Императрица сообщила ей, что *«Государь уезжает»*, но *«ненадолго, что через несколько дней вернется»*[70]. Из воспоминаний очевидцев становится ясно, что решение Николая II ехать в Могилёв было принято после телефонного, или по прямому проводу, разговора с генералом М.В. Алексеевым, который просил его срочно прибыть в Ставку для того, чтобы *«переговорить по некоторым вопросам»*[71]. С.К. Буксгевден свидетельствовала: *«Я находилась возле Императрицы в тот момент, когда Государь пришёл к ней с телеграммой в руке. Он сказал Императрице: "Генерал Алексеев настаивает на моём приезде. Не представляю, что там могло случиться такого, чтобы потребовалось моё обяза-*

тельное присутствие. Я съезжу и проверю лично. Я не задержусь там дольше, чем на неделю, так как мне следует быть именно здесь»[72]. Г.М. Катков считает, что «из имеющихся источников, неясно, почему Алексеев настаивал на личном присутствии Верховного Главнокомандующего. В свете последующих событий отъезд Императора в Могилев, предпринятый по настоянию Алексеева, представляется фактом, имевшим величайшее бедствие»[73].

Что же мог сообщить генерал М.В. Алексеев, чтобы Николай II срочно выехал в Ставку? Анализ имеющихся источников даёт возможность предполагать, что участник заговора М.В. Алексеев сообщил Государю о существовании в Ставке военного заговора. Приоткрыв часть правды, заговорщики придали ей правдоподобность действиями В.И. Гурко. 21 февраля 1917 г. встревоженный Государь сказал А.Д. Протопопову, что Гурко не выполняет его приказов с присылкой войск и что он едет в Ставку, чтобы прислать в столицу кавалерию[74].

22 февраля Николай II встречался с Великим Князем Михаилом Александровичем[75], который убеждал: «В армии растёт большое неудовольствие по поводу того, что Государь живёт в Царском и так долго отсутствует в Ставке»[76]. В результате 22 февраля 1917 г. Царь покинул столицу, в которой немедленно начались беспорядки.

Днем 23 февраля 1917 г. Император Николай II прибыл в Могилёв. На вокзале его встречали: генерал-адъютант М.В.

Алексеев, генерал-адъютант Н.И. Иванов, адмирал А.И. Русин, генерал от инфантерии В.Н. Клембовский, генерал-лейтенант П.К. Кондзеровский, генерал-лейтенант А.С. Лукомский, генерал-лейтенант В.Н. Егорьев, генерал от кавалерии А.А. Смагин, протопресвитер Георгий Шавельский, могилёвский губернатор Д.Г. Явленский[77]. Они, по свидетельству Воейкова, произвели на Государя впечатление людей, чем-то смущённых[78]. Государь отправился в штаб, где имел часовой разговор с М.В. Алексеевым[79].

Ставка встретила Государя отнюдь не радостно. Ее старшие чины открыто говорили: *«Чего едет? Сидел бы лучше там! Так спокойно было, когда его тут не было»*[80]. Д.Н. Дубенский свидетельствует, что вечером 23 февраля к нему подходили чины Ставки и утверждали, что в Петрограде ожидаются тревожные дни *«из-за недостатка хлеба»*[81]. Дубенский также отмечал, что *«уже с первых часов приезда туда Государя чувствовалась некоторая неуверенность в общей государственной жизни России»*[82].

Николай II по прибытии в Могилёв выглядел встревоженным. Протопресвитер Георгий Шавельский отмечал, что *«в наружном его виде произошла значительная перемена. Он постарел, осунулся. Стало больше седых волос, больших морщин – лицо как-то сморщилось, точно подсохло»*[83].

24 февраля, в пятницу, в Петрограде в забастовках приняло участие около 170 тысяч рабочих. Нарастающее рабочее движение не волновало ни правительство, ни Думу. Совет

министров, заседавший в те дни, даже не нашёл нужным обсудить на своём заседании проблему рабочих выступлений. Министры считали, что это дело полиции, а не политиков. Военные власти были озабочены проблемой, каким образом довести до сведения населения, что хлеба в Петрограде достаточно.

Первые известия о петроградских событиях дошли до Ставки вечером 24 февраля[84]. В.Н. Воейков стал настаивать, чтобы Государь как можно скорее вернулся обратно. Но Николай II *«возражал, что он должен пробыть дня три-четыре, и раньше вторника уезжать не хочет»*[85]. Причины, по которым Император Николай II упорно не хотел уезжать из Ставки, сегодня не понятны. По всей вероятности, они были связаны с той целью приезда Царя в Ставку, какая была изложена ему М.В. Алексеевым.

Полковник В.М. Пронин утверждал, что из Петрограда 24 февраля *«доходили слухи о могущих быть “крупных переменах наверху” и даже о “дворцовом перевороте”*»[86]. 24 февраля Государь разговаривал с Государыней по телефону из своего кабинета, и Государыня сообщила, что *«толпы рабочих требовали хлеба, и было несколько столкновений с полицией, но всё это сравнительно быстро успокоилось»*[87]. Вечером того же дня Николай II получил телеграмму от Императрицы Александры Феодоровны, в которой говорилось, что *«совсем нехорошо в городе»*[88]. 25 февраля в Ставку прибыли первые официальные телеграммы о

положении дел в столице: генерал С.С. Хабалов сообщал, что *«волнения в Петрограде приняли угрожающие размеры»*[89]. В тот же день В.Н. Воейков получил шифрованную телеграмму от А.Д. Протопопова, в которой тот сообщал о *«серьёзных беспорядках»* на Знаменской площади[90]. Воейков вновь убеждал Николая II немедленно покинуть Ставку, *«но Государь продолжал настаивать на своём отъезде во вторник»*[91].

Государь сразу оценил всю серьезность событий: 25 февраля он направил генералу С.С. Хабалову телеграмму, в которой отдал четкий и недвусмысленный приказ: *«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжёлое время войны с Германией и Австрией. НИКОЛАЙ»*[92]. Как утверждал Г.М. Катков: *«Телеграмма была составлена самим Государем и послана без консультаций с кем бы то ни было»*[93]. Генерал Е.И. Мартынов, перешедший после октябрьского переворота на сторону большевиков, утверждал, что телеграмма была написана Государем собственноручно[94]. О том, как реагировал генерал Хабалов на царскую телеграмму, видно из его показаний комиссии Временного правительства: *«Государь повелевает прекратить во что бы то ни стало... Что я буду делать? Как мне прекратить? <...> Я убит был – положительно убит!»*[95] Характерны слова и военного министра М.А. Беляева, сказанные С.С. Хабалову: *«Ужасное впечатление произведёт на наших союзников, когда разойдётся толпа и*

на Невском будут трупы»[96].

Таким образом, чёткое повеление Императора Николая II решительно подавить беспорядки натолкнулось на безволие военных руководителей Петрограда. Они продолжали проводить время в бесплодных заседаниях, обсуждая проблему выпечки хлеба да сокрушаясь о том впечатлении, какое произведёт вид расстрелянных бунтовщиков на «чувствительных» союзников.

26 февраля в 10 ч. утра Государь был на Божественной литургии. Во второй половине дня он получил телеграмму от генерала Хабалова, в которой тот сообщал, что в столице идут столкновения войск и полиции с демонстрантами, есть убитые и раненые. Видимо, нервное напряжение было у Государя настолько сильным, что во время литургии у него случился сердечный приступ[97]. В письме к Императрице 26 февраля Николай II сообщал: *«Сегодня утром во время службы я почувствовал мучительную боль в середине груди, продолжавшуюся 1/4 часа. Я едва выстоял, и лоб мой покрылся каплями пота. Я не понимаю, что это было, потому что сердцебиения у меня не было, но потом оно появилось и прошло сразу, когда я встал на колени перед образом Пречистой Девы»*[98].

26 февраля председатель Совета министров князь Н.Д. Голицын, воспользовавшись данным ему Государем правом, издал за Высочайшей подписью Указ о прерывании занятий Государственной думы до апреля 1917 г.[99] Г.М. Катков

пишет: *«Нет никаких указаний на то, что Голицын испрашивал у Государя разрешения, чтобы воспользоваться документом. Ответственность за это решение целиком лежит на Голицыне и на Совете министров»*[100]. Между тем решение о перерыве занятий Государственной думы в условиях февральских дней было не только бесполезным, но и вредным. Он давал думским лидерам возможность оправдывать невыполнение Высочайшего указа коллапсом власти.

Вечером 26 февраля на Высочайшее имя пришла телеграмма от М.В. Родзянко: *«Положение серьёзное. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы этот час ответственности не пал на Венценосца»*[101]. Позже, в тот же день, от него пришла ещё одна телеграмма. В ней Родзянко просил Государя *«безотлагательно призвать лицо, которому может верить вся страна, и поручить ему составить правительство»*[102]. М.В. Родзянко направил также телеграммы М.В. Алексееву и главнокомандующим армиями фронтов: А.А. Брусилову, А.Е. Эверту и Н.В. Рузскому, в которых просил поддержать перед Государем его просьбу[103]. В течение ночи и утра 27 февраля генералом М.В. Алексеевым были получены ответы от главнокомандующих. В них они *«по верноподданному долгу и присяге»* выражали просьбы доложить Государю *«что при наступившем грозном часе»* другого выхода, кроме того, что предлагает Родзянко, быть не может[104]: организаторы переворота координировали свои действия с генералитетом.

Император Николай II послал телеграмму Государыне Императрице, в которой сообщал, что уедет из Ставки, *«как только уладит все необходимые здесь вопросы»*[105]. В понедельник утром 27 февраля Государь отправился, по обыкновению, в Штаб, где, по свидетельству А.А. Мордвинова, *«оставался чрезвычайно долго»*[106]. Во время доклада М.В. Алексеев передал Государю очередную телеграмму М.В. Родзянко, в которой тот требовал восстановить работу Думы и *«немедленно призвать новую власть на началах доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме»*[107]. Алексеев также сообщил, что в столице *«войска переходят на сторону восставшего народа»*[108].

После указа о перерыве занятий Государственной думы правительство не приняло никаких мер, чтобы не пускать никого в Таврический дворец. С 9 ч. утра здание Думы стало заполняться депутатами. М.В. Родзянко поставил вопрос о создании Временного комитета Государственной думы *«для водворения порядка в столице и для связи с общественными организациями и учреждениями»*. Такой орган был создан во главе с М.В. Родзянко. Одновременно был создан Временный исполнительный комитет Петроградского совета рабочих депутатов во главе с меньшевиком Н.С. Чхеидзе.

Известия из Петрограда произвели тяжелое впечатление на Николая II, который 27 февраля был *«заметно более сумрачен и очень мало разговорчив»*[109]. Государь назначил Главнокомандующим войсками Петроградского военно-

го округа генерал-адъютанта Н.И. Иванова и приказал ему немедленно двигаться на Петроград во главе батальона Георгиевских кавалеров. В своем дневнике Государь 28 февраля записал: *«Лёг спать в 3 ¼, так как долго говорил с Н.И. Ивановым, которого посылаю в Петроград с войсками водворить порядок»*[110]. Николай II приказал генералу М.В. Алексееву *«сообщить Председателю Совета министров о том, чтобы все министры исполняли требования Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа беспрекословно»*[111].

Главная задача генерала Н.И. Иванова заключалась в том, чтобы в Петрограде появился представитель Царя с исключительными полномочиями. Батальон должен был взять под охрану Царское Село и охранять Государя, когда он туда вернется[112].

Вечером 27 февраля Император Николай II отдал приказ направить с фронта на подавление мятежа в столице следующие воинские подразделения: 67-й Тарутинский пехотный полк, 68-й Лейб-пехотный Бородинский Императора Александра III полк под командованием генерал-майора А.Э. Листовского, 34-й Севский пехотный полк, 36-й пехотный Орловский генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского полк под командованием генерал-лейтенанта И.С. Лошунова, 15-й уланский Татарский полк, 3-й Уральский казачий полк под командованием войскового старшины М.Ф. Мартынова, 2-й Павлоградский

Лейб-гусарский полк, 2-й Донской казачий Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк. Кроме того, в поддержку этих сил были выдвинуты две пулемётные команды «Кольта». Таким образом, с фронтов было послано 7 пехотных полков с артиллерией и четыре кавалерийских полка[113]. Общая численность войск, которых Государь направил на подавление петроградского мятежа, равнялась примерно 35 тысячам человек. Одновременно для подавления мятежа выдвинулся 2-й батальон Лейб-Гвардии Преображенского полка под командованием командира батальона капитана Ю.В. Зубова-1-го, который свидетельствует, что при гробовом молчании батальона он объявил, что *«на полк Государем Императором возложена почётная задача идти на г. Петроград и его усмирить, что полк вошел в Отряд Особого назначения генерал-адъютанта Иванова, и что вместе с нами идут стрелки 3-го Его Величества и Императорской Фамилии полков»*[114]. В ответ грянуло дружно «ура в честь Государя. Таким образом, если эти силы прибавить к вышеназванным, то получается, что общая численность воинских частей, направленных Государем на Петроград, приближается к 50 тыс. человек. Государь требовал направить *«прочных генералов, смелых помощников»*[115].

Благодаря измене генералов, в первую очередь М.В. Алексеева и А.С. Лукомского, из семи полков было послано только два – Тарутинский и Бородинский. Первый оказался на станции Александровская, находящейся в 21 км от Петро-

града, 1 марта. Бородинский полк прибыл на станцию Луга, в 128 км от Петрограда, в ночь на 2 марта. Там они получили сначала приказ из Ставки ничего не предпринимать, а затем и вовсе вернуться в места дислокации. Остальные пять полков с артиллерией и вовсе никуда не были посланы. Генерал А.С. Лукомский приказал им с «отправкой не торопиться».

Вечером генерал М.В. Алексеев был вызван по прямому проводу Великим Князем Михаилом Александровичем[116]. Тот, по инициативе М.В. Родзянко, просил доложить Государю о необходимости распустить Совет министров и назначить во главе правительства лицо, пользующееся уважением общества, поручив ему составить кабинет по его усмотрению. По мнению Великого Князя, таким лицом мог бы стать князь Г.Е. Львов[117]. Николай II ответил через Алексеева: *«Все мероприятия касающиеся перемен в личном составе Его Императорское Величество отлагает до времени своего приезда в Царское Село»*[118]. При передаче этого повеления Алексеев поспешил от себя добавить, что он полностью поддерживает необходимость назначения нового правительства[119]. Эти слова были предназначены, конечно, не Михаилу Александровичу, а Родзянко. Говоря их, Алексеев демонстрировал заговорщикам свою готовность к сотрудничеству.

В 22 ч. 45 м. Государь получил телеграмму от князя Н.Д. Голицына, в которой извещалось, что уличные беспорядки *«сегодня приняли характер военного мятежа»*[120]. Князь

сообщал о введении в Петрограде осадного положения и умолял Государя немедленно отправить в отставку правительство, назначив его главой лица, *«пользующееся доверием в стране»*. Из этой телеграммы видно, что Голицын находился под сильным влиянием Родзянко. Ответ Государя был жёстким: *«Председателю Совета Министров. О Главном военном начальнике Петрограда мною дано повеление Начальнику Моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставлены все необходимые права по гражданскому правлению. Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю недопустимым. НИКОЛАЙ»*[121].

Генералы Алексеев и Лукомский пытались воздействовать на Государя и убеждали его согласиться с предложениями Голицына. Однако Николай II сказал, что он своё решение не изменит, *«а поэтому бесполезно мне докладывать ещё что-либо по этому вопросу»*[122].

Около полуночи 27 февраля Император Николай II внезапно принял решение об отъезде в Царское Село. Принято считать, что этот отъезд был вызван волнением Государя за Семью, поводом для которого стал звонок по телефону гофмаршала графа П.К. Бенкендорфа, который сообщил, что М.В. Родзянко предупредил министров, что Государыня находится в опасности и *«должна немедленно уехать»*[123]. П.К. Бенкендорф просил Государя отдать распоряжение об отъезде Семьи. *«В ответ Император распорядился, что-*

бы поезд был готов, и просил передать Императрице, чтобы до утра она никому ничего об этом не говорила. Сам он уедет ночью в Царское Село и прибудет утром 1 марта»[124]. П.К. Бенкендорф передал повеление Государя генералу М.С. Беляеву, и «всё было готово к отъезду на следующий день». Однако, когда утром Императрица Александра Феодоровна узнала, что Государь «ожидается в Царском следующем утром в 6 часов», то она сказала, что не уедет, его не дождавшись[125]. Очевидно, что главной целью возвращения Николая II в Царское Село была не безопасность Семьи. Эмигрантский писатель В. Криворотов писал, что «было ошибкой думать, что Царь спешил в Царское Село исключительно из боязни за свою семью, жену и детей. Государь должен был сознавать, что его появление там, в центре пылающих страстей, не могло никоим образом защитить семью от распоясывавшейся толпы. Своим решением отправиться туда, Царь хотел разрубить узел всеобщего трусливого бездействия»[126].

Поздно вечером 27 февраля Император Николай II осознал существование против него заговора в Ставке. По словам генерала А.С. Лукомского, Царь, «находясь в Могилёве, не чувствовал твёрдой опоры в своём начальнике штаба генерале Алексееве»[127]. Государь решил любой ценой прорваться в Царское Село, куда должны были подоспеть отправляемые им верные части с фронта. Император Николай II понял, что каждый лишний час его нахождения в Могилё-

ве приближает победу революции в Петрограде. Как только о решении Царя узнал генералитет, он начал оказывать на него мощное давление, но Государь твёрдо решил ехать[128].

В.Н. Воейков вспоминал, что генерал М.В. Алексеев, узнав о предстоящем отъезде Царя, с *«хитрым выражением лица»* и *«ехидной улыбкой»* спросил: *«А как же он поедет? Разве впереди поезда будет следовать целый батальон, чтобы очищать путь»*[129]. Воейков немедленно отправился к Государю и передал ему *«загадочный разговор с Алексеевым»*, стараясь *«разубедить Его Величество ехать при таких обстоятельствах»*, но *«встретил со стороны Государя непоколебимое решение, во что бы то ни стало, вернуться в Царское Село»*[130].

Перед отъездом Николай II счёл нужным дезинформировать генерала М.В. Алексеева, сообщив ему, что он решил остаться в Могилёве. Но затем Государь ночью выехал к своему поезду[131].

Дежурный генерал при Верховном Главнокомандующем генерал-лейтенант П.К. Кондзеровский вспоминал, что ночью 27 февраля он *«ещё не спал, когда услышал сильный гул от быстрого движения нескольких автомобилей. Бросившись к окну, я увидел, что мимо, полным ходом, промчались по направлению к вокзалу царский автомобиль и за ним все машины со Свитой. Ясно, что Государь уезжал из Ставки. Какое-то жуткое впечатление произвел этот отъезд в глухую ночь»*[132].

Государь прибыл в Собственный поезд около 1 ч. 15 м. ночи 28 февраля и сразу же принял генерал-адъютанта Н.И. Иванова, которого долго инструктировал по поводу его предстоящей миссии в Петрограде[133]. Штаб-офицер для особых поручений подполковник Г.А. Таль сообщает, что целью отряда Иванова была также *«очистка в случае надобности пути для Императорских поездов, направлявшихся также в Царское Село, по другому маршруту, от могущих встретиться мятежных войск, направлявшихся из столицы, и их вразумления»*[134].

Эшелон Н.И. Иванова должен был следовать в Царское Село напрямую по Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге, а Императорские поезда – в объезд. Это делалось для того, что, если *«генералу Иванову пришлось бы задержаться и вступить в бой, он собою не задержал бы следование Императорских поездов»*[135]. Так как на близлежащей к Петрограду территории обе железные дороги близко соприкасаются, то отряд Иванова, в случае нападения или попытки задержки Императорских поездов, мог всегда прийти им на помощь. Однако эшелон Иванова вышел из Могилёва *«лишь в час дня 28 февраля, через семнадцать часов после того, как Государь отдал своё распоряжение»*[136]. Длительная задержка отправки отряда генерала Иванова привела к тому, что Император Николай II оказался в пути без всякой воинской поддержки.

Около 4 часов утра от Могилёва отошёл свитский поезд.

Через час в темноту двинулся Собственный Его Императорского Величества. В 5 ч. 35 м. утра в Департамент полиции ушла телеграмма от полковника В.И. Еленского: *«Государь Император благополучно отбыл пять утра вместо двух с половиною дня»*[137].

Собственный Его Императорского Величества поезд именовался литерным поездом «А». Перед ним или вслед за ним всегда следовал литерный поезд «Б», или, как его называли, «свитский поезд». Оба состава внешне совершенно не отличались друг от друга и часто менялись местами с целью конспирации следования.

В последнюю поездку Государя всё, по свидетельствам лиц свиты, было как обычно: на станциях присутствовало железнодорожное начальство, жандармы, охрана. Сам Государь *«был более бледный, чем обыкновенно, но спокойный»*[138]. На одной из станций стоял следовавший на фронт встречный эшелон. Император Николай II встал из-за стола и подошёл к окну. При его виде раздались звуки гимна и громовое «ура».

Уже 28 февраля Император Николай II находился в информационной блокаде: ему не подавались агентские телеграммы, и Он не знал, что делается в Петрограде. Эта блокада осуществлялась, с одной стороны, Ставкой, и с другой – революционным правительством.

Весь день 28 февраля в охваченном мятежом Петрограде М.В. Родзянко вёл активные переговоры с генералом М.В.

Алексеевым, с представителями Исполкома и членами Прогрессивного блока. По приказу М.В. Родзянко в главном зале Думы из великолепной золоченой рамы, под отпускаемые шутки присутствующих, был извлечён портрет Императора Николая II. Во время заседания 28 февраля проколотый штыками портрет Государя валялся на полу за креслом Родзянко[139]. В 16 ч. мятежники арестовали всех министров Императорского правительства и генералов С.С. Хабалова, А.П. Балка, О.И. Вендорфа, М.И. Казакова. Революционеры арестовали также митрополита Петроградского и Ладожского Питирима (Окнова), председателя Государственного совета И.Г. Щегловитова, всех офицеров Губернского жандармского управления, начальник которого генерал-лейтенант И.Д. Волков был схвачен и убит.

После проследования Орши Государю вручили телеграмму от выборных членов Государственного совета, которые требовали *«решительного изменения Вашим Императорским Величеством направления внутренней политики»*, введения народного представительства, а также *«поручение лицу, заслуживающему всенародного доверия»* сформировать думский кабинет[140].

В 15 ч. из Вязьмы Государь послал Императрице Александре Феодоровне телеграмму, в которой сообщил, что *«много войск послано с фронта»*[141]. Эту телеграмму Государыня не получила. Между тем В.Н. Воейков доложил Государю очередное послание военного министра М.А. Беляева:

«Мятежники овладели во всех частях города важнейшими учреждениями. Войска из-за утомления, а также под влиянием пропаганды, бросают оружие и переходят на сторону мятежников»[142].

Вечером Императорский поезд прибыл на станцию Лихославль. Начальник жандармского полицейского управления генерал П.И. Фурса сообщил, что, согласно слухам, революционеры заняли Тосно. Государь направил Императрице телеграмму, в которой выразил надежду *«завтра утром быть дома»*[143]. В 23 ч. Императорский поезд прибыл в Вышний Волочёк, где В.Н. Воейков получил донесение Г.А. Таля с предложением остановиться в Тосно, но Государь повелел *«настоять на движении в Царское Село»*.

В 2 ч. ночи Императорский поезд подошёл к Малой Вишере, где его ждал свитский поезд, который по расписанию должен был уже давно проследовать эту станцию. Д.Н. Дубенский объяснил А.А. Мордвинову причины задержки тем, что *«по слухам, Любань и Тосно заняты революционерами»*[144]. В.Н. Воейков доложил об этом Государю, который приказал повернуть обратно на Бологое, а оттуда идти на Псков. Остаётся непонятным, почему Государь, который ещё четыре часа назад в Вышнем Волочке проигнорировал слухи о занятии Тосно и твёрдо приказал следовать в Царское Село, а в Малой Вишере вдруг поверил аналогичным слухам. Тем более что начальник Императорских поездов М.С. Ежов заверил, что *«путь не испорчен и до Любани*

свободен, Тосно и Гатчина, через которые нам приходилось разворачивать на Царское, лишь по слухам заняты бунтующими и теперь идёт проверка этих слухов»[145].

В своих воспоминаниях лица Свиты пытаются нас убедить, что Псков был якобы выбран Государем, так как он хотел переговорить с Петроградом по аппарату Юза, а тот якобы был только в Пскове. Все это не соответствует истине. По воспоминаниям телефонистки А.В. Кочетковой, на станции Дно был аппарат Бодо, более совершенный, чем аппарат Юза. Этот аппарат находился в специальной комнате, допуск в которую был запрещён для посторонних и охранялся вооружённым караулом[146]. Аппарат Юза был и на станции Бологое: в 1865 г. физик-изобретатель Д. Юз был приглашен в Россию для руководства вводом в эксплуатацию аппаратов на телеграфной линии Петербург – Москва[147]. Так что Государю совершенно не обязательно было ехать в Псков для переговоров, туда он был направлен заговорщиками. Великий Князь Александр Михайлович вспоминал, что 1 марта 1917 г., во время переговоров по прямому проводу со своим братом Великим Князем Сергеем Михайловичем, тот сообщил: «*Ники выехал вчера в Петроград, но железнодорожные служащие, следуя приказу Особого комитета Государственной Думы, задержали императорский поезд на станции Дно и повернули его в направлении к Пскову. Он в поезде совершенно один. Его хочет видеть делегация членов Государственной Думы, чтобы предъявить ультимативные*

требования»[148].

В Малой Вишере Императорские поезда оказались под полным контролем железнодорожников, перешедших на сторону революционеров. Днём 28 марта в штаб заговорщиков в Петрограде пришла телеграмма: *«По сведениям в 6 часов утра прибывает Николай II в Царское Село. Поезд идёт через Тосно, Гатчино и Царское Село. Нельзя ли задержать поезд? Нужно спешить»*[149]. Последовавшие из Петрограда от А.А. Бубликова и А.Ф. Керенского «инструкции» были немедленно воплощены в жизнь подконтрольными им железнодорожниками, которые отключили все станции от телеграфной связи и электричества, вынудив Императорские поезда следовать в Бологое. Там утром 1 марта Императорский поезд *«едва не попал в руки революционного правительства»*[150]. М.В. Родзянко приказал поезд *«задержать, и передать Государю телеграмму с просьбой принять его»*. Однако пока телеграмма дошла до Бологого, литерные поезда вдруг отправились через Дно на Псков. А.А. Бубликов и Ю.В. Ломоносов потребовали от железнодорожников немедленно задержать литерные поезда любой ценой. Однако те свободно проследовали через Старую Руссу, на вокзале которой собралась огромная толпа, которая при виде Царского поезда снимала шапки и кланялась[151]. В Старой Руссе стало известно, что генерал Н.И. Иванов только утром проследовал станцию Дно. Это известие произвело на Государя неприятное впечатление, и он спросил Воейкова: *«Отчего он*

так тихо едет?» [152]

По воспоминаниям лиц Свиты, станцию Дно поезда *«проехали совершенно спокойно»*. Однако в книге псковского железнодорожника В.И. Миронова утверждается, что 1 марта 1917 г. в Дно Императорский поезд был захвачен, а Император Николай II арестован. Миронов приводит показания 20-х гг., сделанные неким чекистом Симоновым: *«1-го марта 1917 года на станцию Дно прибыли представители ревкомов из Пскова и Великих Лук и наложили арест на царя Николая II и его свиту. Поздно вечером военному коменданту полковнику Фрейману с большим трудом удалось отправить арестованных в Псков, где последний царь из династии Романовых отрёкся от престола»*[153].

События, происшедшие с Императорскими поездами на пути Бологое – Псков, отражали борьбу, развернувшуюся между группой М.В. Родзянко и Ставкой, с одной стороны, и представителями Совета – с другой. Родзянко, собираясь в Бологое, хотел потребовать от Государя отречения, а в случае отказа – арестовать его. Заранее был подготовлен текст манифеста, который, по словам члена Прогрессивного блока С.И. Шидловского, написал П.Н. Милюков. Английский посол Дж. Бьюкенен сообщал 1 марта лорду А. Бальфуру, что *«Дума посылает в Бологое делегатов, которые должны предъявить Императору требование отречения от престола в пользу сына»*[154].

Вместе с М.В. Родзянко ехать в Бологое в качестве пред-

ставителя Исполкома решил и Н.С. Чхеидзе. Его должен был сопровождать вооружённый отряд («красная гвардия»), на который была возложена задача арестовать Государя. Но Чхеидзе от имени Совета заявил, что они соглашаются только на отречение Императора Николая II и категорически против передачи престола Цесаревичу Алексею. На это в свою очередь Родзянко и Шидловский заявили, что такого отречения они Государю не повезут, *«так как считают невозможным предложить ему бросить престол на произвол судьбы, не указывая преемника»*[155].

Выслушав отказ, Чхеидзе заявил, что в таком случае они Родзянко никуда не пустят. Именно в этот момент на имя М.В. Родзянко из Ставки поступила телеграмма генерала М.В. Алексеева, в которой тот требовал немедленно пропустить литерные поезда. Получив эту телеграмму, Родзянко, по всей видимости, показал её Чхеидзе, с намёком или даже прямой угрозой, что армия поддерживает его линию. Когда член Исполкома Н.Н. Суханов (Гиммер) заявил, что *«Родзянко пускать к Царю нельзя»*, то из правого крыла Таврического дворца *«для урегулирования вопроса был прислан некий полковник»*[156].

А.Ф. Керенский понимал, что начинать противостояние с армией на подконтрольной ей территории – невозможно. Поэтому вопрос с арестом Государя надо было решить до попадания литерных поездов на территорию Северного фронта. Керенский отдал распоряжение члену Исполкома и ВВНР

А.А. Бубликову начать энергичные действия по захвату Императорского поезда. Керенский предполагал захватить поезд в Дно и там же ждать Родзянко. Когда тот бы приехал, то был бы вынужден вести переговоры с Государем в окружении «красной гвардии». Родзянко узнал о задержании поезда в Дно и сумел призвать на помощь штаб Северного фронта. Ю.В. Ломоносов вспоминал, что весь день 1 марта Родзянко вёл *«переговоры по военному проводу с генералом Рузским. До этого Комитет Думы никоим образом не мог найти понимание с Советом относительно того, что должно было быть сделано с Царём»*[157]. Это объясняет, почему после переговоров с генералом Н.В. Рузским Родзянко направил Государю телеграмму, в которой сообщал, что экстренно выезжает на станцию Дно *«для доклада о положении дела и необходимых мерах для спасения России»*[158].

В это же время на станцию Дно на имя Государя поступила телеграмма генерал-адъютанта М.В. Алексеева, в которой он предупреждал, что беспорядки, охватившие Петроград, вскоре перекинутся на всю Россию, произойдёт революция, которая знаменует позорное окончание войны, а *«власть завтра же перейдёт в руки крайних элементов»*. Алексеев умолял Государя *«поставить во главе России лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет»*[159]. Очевидно, что Алексеев, как и Рузский, действовал по сценарию Родзянко. После согласия генералов Алексеева и Рузского гарантировать задержку Государя в Пскове

у Родзянко отпала необходимость ехать в Дно, а у Исполкома отбивать Царский поезд. Во второй половине дня 1 марта А.А. Бубликов сообщил Ю.В. Ломоносову, что *«Родзянко не может сейчас уехать. Мы получили ответ от генерала Рузского из Пскова. Армия с нами»*[160].

Сведения, что Император Николай II был лишён свободы на станции Дно, находят подтверждения в высказываниях и воспоминаниях участников тех событий. С.П. Белецкий в телефонном разговоре с генералом А.И. Спиридовичем 1 марта *«тоном убитого, совершенно расстроенного человека»*, сообщил: *«Бедный Государь. Отречение уже только дело времени. Поезд Государя уже задержан»*[161]. Княгиня О.В. Палей писала 1 марта: *«Государь не приехал! На полпути из Могилёва в Царское революционеры во главе с Бубликовым остановили царский поезд и направили его в Псков»*[162]. В.В. Шульгин уже после событий рассказывал, что *«опасался, что Государь может быть убит. И ехал на станцию Дно с целью “создать щит”, чтобы убийства не произошло»*[163].

Но самым выразительным доказательством является распоряжение М.В. Родзянко, данное им Ю.В. Ломоносову после своего отказа ехать на станцию Дно: *«Императорский поезд назначьте, и пусть он идёт со всеми формальностями, присвоенными Императорским поездам»*[164]. Если Родзянко давал разрешение на отправление литерного поезда, да ещё указывал на соблюдение необходимых формально-

стей, значит, именно от него зависело, двинется царский поезд дальше или нет.

Между тем на сторону мятежников стали переходить представители Династии. 1 марта в Таврический дворец прибыл Великий Князь Кирилл Владимирович в сопровождении роты Гвардейского Экипажа и заявил М.В. Родзянко, что предоставляет себя и вверенный ему Экипаж в распоряжение Государственной думы. Генерал В.А. Половцов отмечал, что *«появление Великого Князя под красным флагом в Государственной Думе было понято как отказ Императорской Фамилии от борьбы за свои прерогативы и как признание факта революции»*[165].

Императорский поезд прибыл в Псков гораздо позже, чем его там ожидали: 19 ч. 30 м. вместо 16–17 ч. Единственным объяснением столь долгой задержки могли быть события на станциях Бологое и Дно. Сохранилась запись странных переговоров, которые вели неустановленные лица Ставки со штабом Северного фронта. Один из офицеров запросил штаб Северного фронта, когда там собираются отправить литерные поезда на Псков. Ответ: *«Распоряжение с поезда последовало задержать его. До какого времени, неизвестно»*. Этот разговор является очередным подтверждением того, что движение Императорскими поездами осуществлялось уже не Государем, а некими посторонними лицами.

По воспоминаниям А.А. Мордвинова, платформа псковского вокзала *«была почти не освещена и совершенно пу-*

стынна. Ни военного, ни гражданского начальства, всегда задолго и в большом числе собиравшегося для встречи Государя, на ней не было»[166]. Начальник штаба Северного фронта генерал Ю.Н. Данилов отмечал, что «ко времени подхода Царского поезда вокзал был оцеплен, и в его помещения никого не пускали. На платформе было поэтому безлюдно. Почётный караул выставлен не был»[167]. Представитель Всероссийского земского союза князь С.Е. Трубецкой, который поздно вечером 1 марта прибыл на псковский вокзал для встречи с Государем, отмечал, что «вокзал был как-то особенно мрачен. Полиция и часовые фильтровали публику. Полиции было очень мало... "Где поезд Государя Императора?" – решительно спросил я какого-то дежурного офицера, который указал мне путь, но предупредил, что для того чтобы проникнуть в самый поезд, требуется особое разрешение. Я пошел к поезду. Стоянка царского поезда на занесенных снегом неприглядных запасных путях производила гнетущее впечатление. Не знаю почему – этот охраняемый часовыми поезд казался не царской резиденцией с выставленным караулом, а наводил неясную мысль об аресте»[168]. Об этом же свидетельствует поведение губернатора Пскова Б.Д. Кошкарова, отказавшегося вечером 1 марта идти встречать Государя[169].

После того как поезд Государя поставили на запасной путь, к нему неспешно направился главнокомандующий армиями Северного фронта (главкосев) генерал Н.В. Рузский

в сопровождении начальника штаба фронта генерала Ю.Н. Данилова[170]. Согласно общепринятому мнению, Император Николай II в период с вечера 1 марта до ночи 3 марта трижды соглашался на подписание трёх разных манифестов: даровании Ответственного министерства, отречении в пользу Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и отречении в пользу Великого Князя Михаила Александровича. Говоря об этом, следует помнить, что Государь был твёрдым противником каких-либо политических преобразований до окончания войны. Это твёрдое убеждение он высказывал и накануне отъезда из Могилёва в Царское Село. Тем более никто никогда не слышал от Государя даже гипотетических рассуждений о возможности оставления престола. Поэтому та лёгкость и быстрота, с которыми Царь вдруг «согласился» на столь судьбоносные решения, не могут не вызывать недоумение. Нельзя не отметить, что все документы, связанные с так называемым «отречением», не носят никаких признаков ознакомления с ними Императора Николая II. Телеграммы и ленты переговоров по прямому проводу имеют комментарии, резолюции, пометы генералов М.В. Алексеева, Н.В. Рузского, А.С. Лукомского, Ю.Н. Данилова, даже офицеров и служащих Ставки и фронтов, но нет ни одной пометы, ни одного автографа Государя! Исключение составляет только так называемый «манифест» об отречении, который якобы был Им подписан.

К вечеру 1 марта в результате закулисных переговоров

М.В. Алексеева с М.В. Родзянко в текст телеграммы «*об Ответственном министерстве*» было внесено требование о создании думского кабинета во главе с последним. Около 18 ч. генерал Алексеев и находившийся в Ставке Великий Князь Сергей Михайлович передали генералу Н.В. Рузскому распоряжение «*доложить Его Величеству о безусловной необходимости принятия тех мер, которые указаны в телеграмме генерала Алексеева Его Величеству*». Полная поддержка инициативы М.В. Алексеева поступила из Тифлиса и от Великого Князя Николая Николаевича. Встретившись с Государем в вагоне поезда, Рузский сразу начал настаивать на немедленном даровании Ответственного министерства[171]. Но Николай II согласился лишь поручить М.В. Родзянко «*ради спасения Родины и счастья народа*» составить новое министерство, но «*министр иностранных дел, военный и морской будут назначаться Мной*»[172]. По существу, речь шла о новом составе Совета министров с М.В. Родзянко во главе, полностью зависящего от Высочайшей воли.

Однако Н.В. Рузский не дал В.Н. Воейкову отправить эту телеграмму, а в жёсткой форме потребовал её себе якобы для того, чтобы лично передать по телеграфу М.В. Родзянко. Но вместо телеграммы Рузский передал ему проект манифеста, изложенный в телеграмме М.В. Алексеева. То есть никакой другой телеграммы, кроме той, в которой Родзянко поручалось возглавить правительство, ответственное перед Монархом, Император Николай II не передавал.

В 1918 г., незадолго до своей мучительной смерти, Н.В. Рузский подробно рассказывал, как Император Николай II «возражал спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения». Государь заявил, «что он для себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает себя не в праве передать всё дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред Родине, а завтра умоют руки, “подав с кабинетом в отставку”. “Я ответственен перед Богом и Россией за всё, что случится и случилось”, – сказал Государь. – “Будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным Советом – безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность”». Н.В. Рузский «возражал, спорил, доказывал» и, по его словам, «после полутора часов получил от Государя» его соизволение поручить Родзянко сформировать Ответственный кабинет[173].

Остаётся непонятным, почему Царь вдруг изменил своим убеждениям и согласился на Ответственное министерство? Ни телеграмма Алексеева, ни доводы Рузского не могут быть признаны убедительными в качестве объяснения. Анализ источников приводит нас к выводу, что это решение принималось от имени Государя, но не самим Государем. Около 4 ч. утра 2 марта 1917 г. Н.В. Рузский по телеграфу сообщил М.В. Родзянко о «согласии» Государя. При этом глав-

косев заметил: *«Если желание Его Величества найдёт в вас отклик, то спроектирован манифест, который я сейчас же передам вам. Манифест этот мог бы быть объявлен сегодня 2 марта с пометкой “Псков”»*[174]. Таким образом, будет ли манифест «распубликован» или нет, зависело исключительно от воли Родзянко, а воля Государя при этом совершенно не учитывалась. В связи с этим странной представляется телеграмма, посланная в Ставку генералу Алексееву от имени Государя: *«Из ПТК лит. 2 марта 1917. Наштаверху. Можно объявить представленный манифест, пометив его Псковом. 1223/Б. Николай»*[175]. Телеграмма эта была послана в 5 ч. 25 м. Нетрудно догадаться, что последняя фраза почти дословно заимствована из переговоров Рузского с Родзянко: *«Манифест этот мог бы быть объявлен сегодня 2 марта с пометкой “Псков”»*. Только эта фраза была сказана за 2 часа до «телеграммы Николая II»!

Во время разговора Н.В. Рузского с М.В. Родзянко от имени Николая II были отправлены телеграммы с приказами о возвращении войск, посланных на усмирение Петрограда. Рузский сообщал Родзянко о том, что *«Государь Император изволил выразить согласие, и уже послана телеграмма, два часа назад, вернуть на фронт всё, что было в пути»*[176]. Но это сообщение не соответствовало действительности: в 1 ч. 20 м. ночи от имени Царя поступило согласие только на возвращение войск, якобы застрявших в Луге. Телеграммы о полном возвращении войск поступят только в

12 ч. дня 2 марта. Но получается, что в 3 часа ночи генерал Рузский об этом уже знал.

Когда Рузский сообщил Родзянко, что Государь согласился даровать манифест об Ответственном министерстве, то в ответ услышал: *«Его Величество и вы не отдаёте себе отчёта в том, что здесь происходит; настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так легко»*[177]. После обычной для него высокопарной демагогии Родзянко перешёл к главному: *«Грозное требование отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становится определённым требованием»*[178].

Судя по всему, Рузский был несколько удивлён таким резким изменением ситуации. Он попытался выяснить у Родзянко причину этого изменения, но в ответ получил лишь новые разглагольствования. Рузский посетовал, что всякий насильственный переворот не может пройти бесследно. Родзянко его заверил, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех. Рузский спросил: *«Нужно ли выпускать манифест?»* Родзянко дал, как всегда, уклончивый ответ: *«Я, право, не знаю, как вам ответить. Всё зависит от событий, которые летят с головокружительной быстротой»*[179]. Несмотря на эту двусмысленность, Рузский понял ответ однозначно: манифест посылать не надо. С этого момента начинается усиленная подготовка к составлению нового манифеста об отречении. Заканчивая переговоры с Родзянко, главкосев спросил, мо-

жет ли он доложить Государю об этом разговоре, на что получил от Родзянко ответ, что тот ничего против этого не имеет. Таким образом, для Рузского теперь Родзянко решал: сообщать что-либо Государю или нет. Мнение Царя, его поручения и распоряжения в расчёт не принимались.

Свои переговоры с Родзянко Рузский сразу же перенаправлял в Могилев Алексееву. По окончании их Наштаверх потребовал *«разбудить Государя и сейчас же доложить ему о разговоре с Родзянко»*[180]. Алексеев просил передать Рузскому, что, по его глубокому убеждению, *«выбора нет и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся Царская Семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками. Если не согласятся, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать Царским детям, а затем начнётся междоусобная война, и Россия погибнет под ударами Германии, и погибнет Династия»*[181]. Наштаверх, «отбросив всякий этикет», властно требовал отречения Царя, шантажируя жизнью государевой семьи и военным поражением России. Генерал Данилов ответил, что Рузский только что уснул после бессонной ночи и он не считает нужным его будить (в отношении Рузского этикет соблюдался). Затем Данилов высказал мнение, что убедить Государя согласиться на отречение будет нелегко. Решено было дожидаться результатов разговора Рузского с Государем. В ожидании этого разговора Алексеев начал готовить цирку-

лярную телеграмму для главнокомандующих фронтами А.Е. Эверту, А.А. Брусилову и В.В. Сахарову, в которой просил их выразить свое отношение к возможному отречению Государя. Не успел Алексеев поинтересоваться мнением главнокомандующих, как они сразу же, не задумываясь, ответили: отречение необходимо, причём как можно скорее. А.А. Брусилов писал: *«Колебаться нельзя. Время не терпит. Совершенно с вами согласен. Немедленно телеграфирую через главкосева всеподданнейшую просьбу Государю Императору. Совершенно разделяю все ваши воззрения. Тут двух мнений быть не может»*[182]. Примерно такими же по смыслу были ответы всех командующих. Такая единая реакция со стороны командующих фронтами могла быть только в случае – если они заранее знали как о предстоящем опросе Алексеева об отречении, так и ответах на него. Генерал-лейтенант барон К.К. Штакельберг был убеждён: *«Готовили всё это давно. Воспользовались только волнениями в Петрограде. Ставка по отъезде Государя в один день снеслась с командующими фронтами от Севера России, до Румынии и Малой Азии. Установилась полная связь между Алексеевым, Родзянкой и высшими генералами»*[183].

Весьма осведомленный последний министр финансов Российской империи П.Л. Барк утверждал в декабре 1922 г.: *«Я ни минуты не сомневаюсь, что план убедить Государя Императора отречься был заранее разработан этими господами, и что командующие армиями, подготовленные низ-*

кой пропагандой, были готовы ко всем случайностям. Ответы этих генералов на телеграфный запрос в роковое число 2 марта были результатом долгой и тщательной подготовки»[184].

Особенно тяжело на Государя подействовала телеграмма дяди – Великого Князя Николая Николаевича, который «по духу и долгу присяги» «коленопреклонённо умолял» отречься от престола. Генерал Н.А. Епанчин писал: «Что же должен был сделать верноподданный генерал-адъютант и дядя Государя, получив депешу Алексеева? Он должен был ответить, что он не только не осмелится просить Государя об отречении, но воспротивится всеми мерами, даже силою оружия, против тех, кто это сделает»[185]. То же самое можно сказать и о других главнокомандующих фронтами. Из них единственный, кто покался, был генерал А.Е. Эверт. Его супруга вспоминала: «20 июля пришло известие об убийстве Государя. Оно совсем подкосило мужа. Он впал в свою прежнюю задумчивость, однажды у него вырвалось восклицание: “А все-таки, чем ни оправдывайся, мы, главнокомандующие, все изменники присяге и предатели своего Государя! О, если бы я только мог предвидеть несостоятельность Временного правительства и Брест-Литовский договор, я никогда бы не обратился к Государю с просьбой об отречении! Нас всех ожидает та же участь и поделом!”»[186]

12 ноября 1918 г. слова генерала Эверта пророчески сбываются: он будет убит чекистским конвоем при «попытке к бег-

ству».

Н.В. Рузский уверял позднее, что телеграммы главнокомандующих произвели тягостное впечатление на Государя и сыграли главную роль в его решении отречься от престола[187]. Ближайший помощник Рузского генерал Ю.Н. Данилов пишет, что Государь, после долгого душевного борения, наконец, сказал: *«Я решился... Я решил отказаться от престола в пользу моего сына Алексея... При этом он перекрестился широким крестом»*[188]. Так, заговорщики создали картину спонтанного решения Императора Николая II об отречении.

Между тем в переписке Ставки с Северным фронтом вплоть до приезда в Псков А.И. Гучкова и В.В. Шульгина нет ни одного упоминания о согласии Государя отречься от престола. При этом известно, что проект манифеста об отречении в пользу Цесаревича Алексея существовал по крайней мере к утру 2 марта. В 10 ч. 15 м. генерал М.В. Алексеев объявил главнокомандующим, что М.В. Родзянко требует отречения Императора в пользу Сына, отдал затем распоряжение о подготовке проекта «манифеста». Но Государь ничего об этих действиях не знал. Д.Н. Дубенский писал, что этот манифест *«вырабатывался в Ставке и автором его являлся церемониймейстер Высочайшего Двора, директор политической канцелярии при Верховном главнокомандующем Базили, а редактировал этот акт генерал-адъютант Алексеев»*[189]. То же самое подтверждал и генерал Ю.Н. Дани-

лов[190].

Однако Основные законы Российской империи не знали понятия «отречения от престола», когда речь шла о царствующем Монархе. Крупнейший русский правовед М.В. Зызыкин отмечал, что о возможности отречения царствующего Монарха *«ничего не говорят Основные законы и не могут говорить, ибо раз они сами исходят из понимания Императорской власти как священного сана, то государственный закон и не может говорить об оставлении сана, даваемого Церковью»*[191].

Обстоятельства, при которых Государь якобы подписал «манифест», до сих пор неизвестны. Но единственное, что можно точно утверждать, что все события вокруг так называемого отречения были неслыханным насилием над волей и личностью Императора Николая II. М.В. Зызыкин отмечал, что «отречение» Императора Николая II от престола *«юридической квалификации не подлежит и может быть принят только как факт революционного насилия»*. Примечательны слова товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н.Д. Жевахова, сказанные им в марте 1917 г.: *«Отречение Государя недействительно, ибо явилось не актом доброй воли Государя, а насилием»*[192].

Протоиерей Владимир Востоков на заседании Поместного собора Российской Православной Церкви заявил: *«Собор должен сказать, что в феврале-марте произведен насильственный переворот, который для православного христиа-*

нина есть клятвопреступление, требующее очищение покаянием. Всем нам, начиная с Вашего Святейшества (имелся в виду Патриарх Тихон (Беллавин). — Авт.) и кончая мною, последним членом Собора, должно преклонить колена пред Богом и просить, чтобы Он простил нам наше попустительское развитие в стране злых учений и насилия. Только после всенародного собрания искреннего покаяния умирится и возродится страна, и Бог возвысит нам Свою милость и благодать»[193].

О преступном, насильственном характере так называемого «отречения» говорил на Соборе и профессор Московской духовной академии С.С. Глаголев: *«При обсуждении вопроса о нарушении присяги бывшему Государю Императору Николаю Александровичу нужно иметь в виду, что произошло не отречение Николая II, а свержение Его с престола, и не только свержение Его, но и самого Престола. Нужно нам одуматься и принести достойные плоды покаяния»[194].*

То есть все правовые акты, подписанные Государем в Пскове 1–2 марта 1917 г., независимо от того были ли они подлинными или фальсифицированными, являются юридически ничтожными уже потому, что при их составлении был нарушен главный принцип делающий действительным любой юридический договор, а именно – добровольность.

Таким образом, «отречение» Императора Николая II, даже если бы он действительно подписал всем известную бу-

магу, является юридически ничтожным (то есть недействительным) прежде всего потому, что оно полностью противоречило законодательству Российской империи. Сам документ, именуемый «манифестом», ни в коем случае таковым не является. В наши дни мнение о юридической ничтожности так называемого «отречения» разделяет научно-общественное сообщество: доктор ист. н. А.И. Рупасов, доктор ист. н. В.М. Лавров, канд. ист. н. М.М. Сафронов, канд. ист. н. генерал-лейтенант Л.П. Решетников, доктор юр. наук М.Н. Кузнецов, протоиерей Георгий Вахромеев, протоиерей Сергей Чечаничев, А.Ю. Сорокин, бывший прокурор Крыма Н.В. Поклонская, магистр права судья Н.П. Ильичева.

«Отречение» является актом ничтожным и потому, что Государь Император, даже если представить, что он его подписал, **не обратил его в закон**. Если бы Государь вдруг добровольно согласился бы отречься от престола, то это отречение юридически могло было быть теоретически приравнено только к факту его кончины. Понятно, что почивший Монарх не мог объявлять в манифесте о своей смерти. Поэтому это делал в своем манифесте вступивший на престол его преемник. Законы Российской империи четко регламентировали этот момент. Статья 53 гласила: *«По кончине Императора Наследник его вступает на Престол силою самого закона о наследии, присваивающее ему сие право. Вступление на престол Императора считается со дня кончины его предшественника»*. Таким образом, Император Николай II,

в случае его добровольного решения оставить престол, мог бы выразить свою волю не в виде манифеста, а в виде любого иного акта, так как, образно говоря, он с этого момента как бы «умер» и манифесты издавать уже не мог. Манифест же должен был издавать Император Алексей II, который вступал на престол автоматически после волеизъявления своего отца. Н.П. Ильичева отмечает по этому поводу: *«Даже если допустить отречение Николая II от престола состоявшимся, то его нельзя признать действительным, в связи с тем, что оно не обращено в закон. Отречение Императора могло быть обращено в закон, только верховной властью, а именно лицом, следующим в очереди наследования (в нашем случае Цесаревичем Алексеем), которое бы заняло освободившийся престол. Обратить в закон отречение можно было только одним образом – законодательным актом (манифестом) о восшествии на престол лица, следующего в очереди наследования. С юридической точки зрения престол Российской империи на законных основаниях принадлежал Николаю II вплоть до его смерти – 17 июля 1918 года»*[195].

Исследование так называемого «акта» «отречения» Императора Николая II позволяет сделать вполне категоричный вывод о том, что он полностью или частично фальсифицирован. Но самым вопиющим противоречием являются описания так называемого «манифеста», сделанные «свидетелями» отречения. Так, В.В. Шульгин уверяет, что манифест представлял собой *«две или три четвертушки – такие,*

какие, очевидно, употреблялись в Ставке для телеграфных бланков. Но текст был написан на пишущей машинке»[196]. Это же Шульгин повторил и на допросе в ВЧСК[197]. О «четвертушках» говорит и генерал Ю.Н. Данилов: «Наконец, вошел Государь и принес с собой текст манифеста, отпечатанного на пишущей машинке на нескольких белых листках телеграфных бланков»[198]. О телеграфных бланках-четвертушках говорит и А.А. Мордвинов[199]. Но, как известно, имеющийся текст «манифеста» напечатан на одном большом листе бумаги.

Так называемое «отречение» Императора Николая II было задумано задолго до февральских событий. Одним из его главных разработчиков был А.И. Гучков. В августе 1917 г. он признавал: «Государь должен покинуть престол. В этом направлении кое-что делалось ещё до переворота, при помощи других сил. <...> Самая мысль об отречении была мне настолько близка и родственна, что с первого момента, когда только выяснилось это шатание и потом развал власти, я и мои друзья сочли этот выход именно тем, что следовало сделать»[200]. О том, что «отречение» было спланировано заранее, говорил и спутник А.И. Гучкова по поездке в Псков В.В. Шульгин: «Вопрос об отречении был предрешён. Оно произошло бы независимо от того присутствовал Шульгин при этом или нет»[201]. Уже днём 2 марта в 15 ч. П.Н. Миллюков заявил: «Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола, или будет

низложен. Власть перейдёт к регенту Великому Князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей»[202]. Заметим, Милюков в середине дня 2 марта говорит об отречении как о деле решённом. О том, что «отречение» как Государя, так и Великого Князя Михаила Александровича было предусмотрено заговорщиками заранее, свидетельствует журнал заседания Временного правительства от 2 марта, которое состоялось до «добровольного» отречения Императора Николая II, все «свидетели» утверждают, что это случилось поздним вечером – ночью с 2 на 3 марта, и уж тем более до «отказа» от престола его брата. Между тем на этом заседании П.Н. Милюков заявил: *«Совет рабочих депутатов по вопросу о судьбе бывших членов Императорской фамилии высказался за необходимость выдворения их за пределы Российского государства, полагая эту меру необходимой как по соображениям политическим, так равно и небезопасности их дальнейшего пребывания в России. Временное правительство полагало, что распространять эту меру на всех членов семьи Дома Романовых нет достаточно оснований, но что такая мера представляется совершенно необходимой в отношении отказавшегося от престола бывшего Императора Николая II, а также по отношению к Великому Князю Михаилу Александровичу и их семьям»*[203]. Анализируя этот документ, В.М. Хрусталеv делает вывод: *«Этот документ показывает, что с первых шагов новые претенденты на верховную власть в России были практически еди-*

ны во взглядах на дальнейшую участь представителей Династии Романовых. Таким образом, последующие события, связанные с отречением Николая II и ведением переговоров с Великим Князем Михаилом Александровичем, были только фарсом»[204].

С.П. Мельгунов утверждал, что подготовкой и организацией Февральского переворота 1917 г. руководили две масонские группы: военная и гражданская. Во главе одной стоял А.И. Гучков, во главе другой – А.Ф. Керенский. Сотрудничество, хотя и весьма законспирированное, между ними проявило себя в полной мере в февральские дни 1917 г. и главным образом в деле свержения Императора Николая II и уничтожения русской Монархии. Керенский понимал, что революционный арест Государя и простое отречение его от престола будет, по выражению М.В. Родзянко, означать, что Царь отрёкся «в пользу никого». А это в свою очередь чётко выявляло бы революционную сущность нового режима, которую Керенский до поры до времени стремился скрыть. Нужно было создать впечатление легитимной передачи власти, которая, однако, привела бы к обезглавливанию монархии и, как следствие этого, к её гибели. Не вызывает сомнений, что после того, как Императорский поезд был направлен в Псков, Керенский и Гучков действовали в отношении Государя в полном согласии.

По всей видимости, отречение в пользу Великого Князя Михаила Александровича было результатом сговора А.И.

Гучкова и Н.В. Рузского в обход генерала М.В. Алексеева. Тот полагал, что всё закончится «отречением» в пользу юного Цесаревича, при котором Наштаверх надеялся играть ведущую роль. Алексеев считал, что назначение его на должность «диктатора» должно произойти в Царском Селе самим Императором. Генерал С.С. Саввич вспоминал, чтобы «оформить детали», Государь должен был быть отправлен в Царское Село и объявить там о своем отречении в пользу сына[205]. Вечером 2 марта депутат Государственной думы кадет Ю.М. Лебедев говорил, что Гучков и Шульгин едут в Псков вести переговоры с Николаем II, и *«результатом этих переговоров явится приезд Государя в Царское Село, где будет издан ряд важнейших государственных актов»*[206]. М.В. Алексеев думал, что играет по правилам Гучкова: юный император Алексей II и регентский совет, но он не знал, что сам Гучков уже давно играет по планам Керенского, в которых места наштаверху не было.

Знали заранее о неизбежности «отречения» и военные изменники, прежде всего начальник штаба Ставки генерал-адъютант М.В. Алексеев. Офицер Лейб-гвардии Преображенского полка полковник Ю.В. Зубов вспоминал, что 1 марта 1917 г. был получен приказ идти на помощь Государю и подавить смуту в Петрограде. Батальон был уже погружен в вагоны и двинулся в путь, когда на станции Рожище в вагон командира батальона явился комендант станции и передал приказ из Ставки вернуться в места дисло-

кации, так как «в Петрограде наступило успокоение». Телеграмма была подписана: «генерал Алексеев». На эту телеграмму офицеры батальона ответили, что они не знают «генерала Алексеева», а знают – генерал-адъютанта Алексеева. Через некоторое время по аппарату Юза из Ставки пришел повторный приказ о возвращении на позиции, вновь подписанный «генерал Алексеев»[207]. Таким образом, уже 2 марта, еще до всяких «добровольных манифестов», М.В. Алексеев отказывался от весьма почетного наградного титула «генерала-адъютанта Его Императорского Величества», что доказывает его полную осведомленность и участие в свержении Императора Николая II с престола. В 17 ч. 23 м. 2 марта в своём разговоре по прямому проводу с главным начальником Одесского военного округа генералом от инфантерии М.И. Эбеловым генерал В.Н. Клембовский уверенно заявлял: *«Исход один – отречение в пользу Наследника под регентством Великого Князя Михаила Александровича. Его Величество решение ещё не принял, но, по-видимому, оно неизбежно»*[208]. Откуда такая уверенность у помощника начальника штаба? Ведь еще спустя три часа генерал Данилов сообщал, что *«окончательное решение вновь откладывается»*[209]. Вообще предстоящее подписание отречения мало заботило генералов Ставки. Они говорили о нём как о деле решённом. На вопрос генерала Д.Н. Дубенского, заданный 2 марта одному приехавшему из Петрограда полковнику, *«что же говорят о Государе?»*, последовал ответ: *«Да, о*

Государе ничего не говорят...»[210].

Что мог сделать Император Николай II в условиях фактического пленения своего военными заговорщиками? По верному определению Г.З. Иоффе: *«Подавить открыто революцию Николай II уже не мог. В Пскове он был “крепко” зажат своими генерал-адъютантами. Прямое противодействие им в условиях Пскова, где положение контролировал один из главных изменников Русский, было практически невозможно. В белоэмигрантской среде можно найти утверждение, что, если бы Николай II, находясь в Пскове, обратился к войскам, среди них нашлись бы воинские части верные царской власти. Однако практически он не имел такой возможности, хотя бы потому, что связь осуществлялась через штаб генерала Русского. В соответствии с показаниями А.И. Гучкова, Русский прямо заявил Николаю II, что никаких воинских частей послать в Петроград не сможет»[211].*

Категорический отказ Государя обсуждать оставление престола вынудил бы заговорщиков его убить, так как у них не было бы в этом случае иного выбора. Любой иной исход привел бы их на скамью подсудимых военно-полевого суда с предрешенным приговором за государственную измену. Стоящие за заговорщиками иностранные спецслужбы были также готовы физически уничтожить любого из Династии Романовых, претендующего на трон. 19 марта 1917 г. посол США в России Р. Френсис отправил государственно-

му секретарю Р. Лансингу следующую телеграмму: «Приняты все меры, чтобы не допустить никаких претензий на трон, как со стороны великого князя Михаила, представляющего прямое наследование после отречения царя и царевича, так и сделать тщетной всякую попытку сохранить имперскую преемственность вплоть до “people act”»[212]. Император Николай II смерти не боялся, но понимал, что его убийство приведёт к гражданскому противостоянию и поражению России во внешней войне. Протоиерей Сергей Чечаничев отмечает: «Заговорщики действовали наверняка. И если суммировать все, дошедшие до нас на сегодня сведения, то можно заключить, что Государю, в случае если он не подпишет т. н. “акт отречения”, были предъявлены следующие угрозы – будет убита вся семья Государя – Супруга, Дочери и Сын, разразится династический кризис, вспыхнет гражданская война и Государь окажется виновником братоубийственной резни, которая неминуемо возникнет между восставшим народом и верными присяге войсками»[213].

У Государя было два выбора: призвать к гражданской войне или признать режим узурпаторов. Император Николай II не сделал ни того, ни другого. Он предпочёл заточение и мученическую смерть участию в братоубийственной войне и беззаконии. Государь пытался переиграть заговорщиков, выиграть время, любым путем вырваться из-под их контроля. С этой целью он мог дать согласие на оставление им престола, но в такой форме, которая никак не могла удовлетворить

заговорщиков и которая давала Государю возможность для дальнейшего маневра. Священник Сергей Чечаничев пишет по этому поводу: «Предположим, что в ходе переговоров, под воздействием шантажа, заключавшего в себе вполне реальные угрозы, Государь пошел на уступки: что-то пообещал или даже подписал карандашом какую-то телеграмму, воспринятую и предъявленную заговорщиками обществу, как акт отречения. Но если действие совершается под влиянием шантажа, насилия, угрозы, обмана, заблуждения или стечения тяжелых обстоятельств, то воля человека на совершение соответствующего действия не может проявляться в полной мере. Она так или иначе “связана”. А в данном случае Государь заботился вовсе не о своей жизни и даже не о жизни своей семьи, а о спасении армии, которую заговорщики, лишая снабжения, обрекали на гибель»[214].

В связи с этим совершенно не исследованной представляется так называемая «телеграмма» Императора Николая II следующего содержания: «Председателю Госуд. [арственной] Думы Петр. [строград]. Нет той жертвы, которую Я не принёс бы во имя действительного блага и для спасения родимой Матушки-России. Посему Я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы (он) остался при нас до совершеннолетия при регентстве брата моего Великого Князя Михаила Александровича. НИКОЛАЙ»[215]. Точно неизвестно, когда была написана эта телеграмма. Штаб-офицер для поручений в управлении Ге-

нерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего полковник В.М. Пронин уверял: *«Проект телеграммы относится, по-видимому, к периоду 3–4 час. дня 2 марта 1917 г. Написан в Пскове. Передан ген. Алексееву 3 марта вечером в Могилеве. ген. Алексеев»*[216]. Генерал А.И. Деникин утверждал, что эта телеграмма была написана Императором не 2 марта, а 3-го, уже в Могилёве[217]. Но наиболее ценным является документ, приписываемый графу В.Б. Фредериксу, датируемый 2 марта 1917 г. Непонятно, что это – дневник или воспоминание. Для дневника, тем более для мемуаров, в этой записи слишком много исправлений и вставок чисто редакционного характера. Такое впечатление, что ее готовили к публикации. В этом документе говорится: *«Сегодня после завтрака Его Величество изволил вызвать меня, генерал-адъютанта Рузского, Начальника штаба Северного фронта генерала Данилова, генерала Савича. Его Величество изволил объявить, что как ему не тяжко, но в данный момент для спасения России Он решил отречься от престола в пользу Своего Сына. Регентом же назначает Своего Брата Михаила Александровича. По окончании совещания Государь Император отправил телеграмму Председателю Государственной думы Родзянко для всенародного объявления об отречении от престола»*[218]. Нет сомнений, что если Государь и подписывал какие-либо бумаги о готовности отречься, то это и была эта «телеграмма». Кстати, она написана на телеграфной «четвертушке». Вспомним,

что В.В. Шульгин и другие, говоря о «манифесте» об отречении, утверждали, что он был написан на телеграфных «четвертушках». Однако известно, что эта телеграмма не была послана в Петроград. Д.Н. Дубенский, А.А. Мордвинов и В.Н. Воейков утверждают, что этого не дал сделать генерал Н.В. Рузский, который завладел телеграммой и не дал ее отправить. Сам Н.В. Рузский утверждал, что не отправлять телеграмму ему разрешил сам Государь, согласившись дождаться приезда Гучкова и Шульгина. Как бы там ни было, но это, казалось бы, столь желанное для заговорщиков решение Государя почему-то их не устроило. Внимательный анализ «телеграммы» объясняет причину этого. Очевидно, что она не является объявлением об отречении от престола.

«Нет той жертвы, которую Я не принёс бы во имя действительного блага и для спасения родимой Матушки-России

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.